

Катерина Файн

ОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ

Денег у него никогда не было. Первую половину жизни он платил алименты, вторую – за съемную квартиру, в которой они жили вдвоем: он, она, его портрет. Портрет кочевал из комнаты в кухню и всегда выставлялся напротив окна, медленно выгорая на утреннем солнце. В их доме было тихо и пыльно, как в запасниках районной библиотеки.

Он работал испытателем мебели, потому что отличался глобальной усидчивостью, она вышивала гладью на зонтиках. На тахте, шириною метр, они спали по очереди: с 12 ночи до 6 утра – он, с 6 до 12 – она.

Она была десятой в его списке, и после четырех лет знакомства, он, наконец, подумал: «А что в ней выдающегося, кроме некоторых частей тела? Какая-то винтажная женщина! Раньше мы пели дуэтом, теперь она поет соло в ванной. Надо завязывать». Но она продолжала выпекать блины на его сковородке, каждый раз открывая новую пачку муки.

– Ты очень расточительна! – говорил он. – У нас еще та мука не закончилась.

– Она еще долго не кончится. Потому что я беру по одной ложке из разных пакетов. А их у меня ровно десять. Именно столько раз ты ездил в Девяткино к бывшей жене художника, который писал твой портрет!

На этой фразе тарелка летела в живопись, но всегда мимо.

Он уходил на крышу. В небе ему мерещился крест Энгельмана.

Она вставляла карту памяти в оконную раму и открывала бутылку.

Она была некрасива и прожила свою жизнь очень осторожно – кабы чего не вышло. Вот ничего и не вышло... С Днем рождения ее поздравляли пять человек: подруга по школе, подруга по вузу и еще три бывших любовника. Но закономерность она уловила не сразу: ее маленький праздник запомнили те, кто видел ее либо пьяной, либо голой.

Он возвращался на кухню.

– Я больше с тобой не играю, – говорила она.

А он заедал блины конфетами, оставляя автограф на фантиках.

Она рисовала крайлики на спичечных коробках и считала, сколько лет ей осталось до пенсии.

Часы с Кукушкиной били десять.

– Ночь, – говорила она.

А по ночам они воровали опавшие листья.

2018